

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Я был землей... Я – ветер

Испанец, колыбельная и лето

Светлана Никулина

Испания скорбела летом, 19 августа, Испания оплакивала сына, которого родила на свет Божий за тридцать восемь лет до злополучного августа 1936 года, летом же – в июне, в местечке Фуэнте Вакерос, что в переводе означает «Пастуший ключ». У Лорки нет могилы. Никто не видел его тела. Он стал испанской землей – похоронен где-то в братской могиле

матери, как колыбельные, которые слышал маленький Федерико от соседок-простолоудинок. Позднее Лорка в своих лекциях много размышлял о народных колыбельных. Он говорил, что едва ли какие-нибудь другие дети мира засыпают с тем, с чем идут в мир грез испанские малыши. Разве что русские колыбельные столь же печальны и пронзительны. Но в русской колыбельной, как и в сказке, есть три дороги и неизменный камень в начале пути. Одним сло-

селога поэта с молодым амбициозным художником Сальвадором Дали и его юной сестрой Анной-Марией. Их дружба породила множество слухов среди потомков. Якобы не то Лорка, не то сам Дали предложил другому «нежную дружбу», иные называют ее «пламенной страстью», вспыхнувшей между ними, в результате которой и появилась «Ода Сальвадору Дали».

Известно также, что Лорка был равнодушен к Анне-Ма-

Он был не просто достойный сын своей страны, он был ее голос, ее смех, ее плач. Лорка и есть Испания

вместе с другими жертвами диктатуры Франко.

Вся жизнь его прошла так, будто это было одно жаркое, яркое, незабвенное лето. Он не был гоним при жизни, не был отвержен, не проходил круги ада в тюремных застенках, и тем не менее в его жизни было все, что должно быть в жизни поэта. Он был не просто достойный сын своей страны, он был ее голос, ее смех, ее плач. Лорка и есть Испания.

Федерико Гарсия Лорка был одним из четверых детей Федерико Гарсия Родригеса и Висенте Ромеро Лорка. Мать неплохо играла на фортепиано, и с детства Федерико учился у нее этому искусству. А гитара – откуда явилась она? Гитара – просто была. Как и печаль, которую каждый испанец впитывает с молоком

вом – выбор. У испанского малыша, мирно посапывающего у материнской груди, выбора нет. Он, еще не начав говорить, уже знает, что любовь, если она настоящая, принесет только страдания и скорее всего смерть, которая тоже наверняка не станет извращением.

В 1914 году Лорка поступил в Гранадский университет и принялся за изучение философии, филологии и права. В 1918 году вышла его первая книга «Пейзажи и впечатления». В 1919-м он перебрался в Мадрид, чтобы продолжить учебу в так называемой студенческой резиденции, как шутили ее называли сами студенты, – учебном заведении, устроенном по примеру свободных университетов. Здесь то и свела судьба молодого ве-

рии Дали. Много позже он напишет ей: «Дорогая Анна-Мария, дорогая моя подруга, не знаю, как это я осмеливаюсь тебе писать. А ты, должно быть, уверилась, что я и думать забыл. Нет. У моей памяти целый ворох, целый чемодан фактов и фотографий твоих улыбок. Я не умею забывать, во мне ничто не умирает, даже если я не подаю признаков жизни. В моей памяти ты – лучшее из воспоминаний!»

Лорка мечтал о детях, мечтал о семье. Но им не суждено было соединиться.

Анна-Мария говорила, что выйти за Федерико – все равно что быть повенчанной с ветром. Но на меньшее она, видимо, уже не могла согласиться. Анна-Мария умерла в Мадриде, пережив Федерико на много лет, так никогда и не выйдя замуж.

Гарсия Лорка.

Михаил Брусиловский. 1964 год

Несмотря на обилие событий и друзей в жизни поэта, он все же ни на минуту не забывал о родной Гранаде и ежегодно навещал свою семью и родной город. Именно благодаря усилиям Лорки в 1922 году в Гранаде прошел фестиваль «Канте Хондо», что в переводе с испанского буквально означает «глубокое пение» – то ли от того,

что это своеобразная народная манера пения в сопровождении гитары, то ли от того, что истоки этого умения восходят в глубины прошлого, далеко за пределы памяти старейших жителей Испании.

Народное творчество с детства вдохновляло и трогало Федерико, недаром товарищи студенческих лет называли его

«фольклористом». Он стал связующим звеном между тем и другим. Когда вышел в свет первый сборник стихов Лорки, простые люди заучивали наизусть его стихи и передавали их, что называется, из уст в уста. Это ли не настоящая слава?!

Лорка много интересовался театром и выступал не только в роли драматурга и продюсера

(как сказали бы сейчас), но и в роли режиссера-постановщика. В своей лекции «Дуэнде. Тема с вариациями» он говорил, что его пьесы актеру надлежит играть так, словно у него в крови битое стекло, словно его разрывают одновременно тысячи бесов на мелкие части. «Дуэнде» по-испански означает «бес».

В 1932 году Лорка с помощью единомышленников создал студенческий передвижной театр «Ла Барака» («Балаган»), целью которого было познакомить жителей испанской глубинки с шедеврами испанской классики. За год до этого он написал пророческую пьесу «Когда пройдет пять лет» – историю о юноше-поэте, которому удавалось обманывать собственную смерть, но в итоге смерть-таки перехитрила его. Он проиграл в карты собственное сердце. И еще небыль, ее использовал Бродский в эпиграфе к «Определению поэзии»: «Существует своего рода легенда, что перед расстрелом Федерико Гарсия Лорка увидел, как над головами солдат поднимается солнце, и тогда он произнес: «А все-таки восходит солнце». Возможно, это было началом стихотворения».

Нет, Гарсия Лорка не испытывал фатального страха накануне гибели, он вообще не боялся смерти. По воспоминаниям Дали, Лорка любил изображать перед друзьями ритуал своих собственных похорон – это выглядело как театрализованное действие, где в лицах изображался каждый скорбящий. Но у него не было никаких мистических видений по этому поводу. Напротив, 16 июля 1936 года он поехал в родную Грана-

ду на празднование дня святого Федерико с легким сердцем и на предостережения близких отвечал: «Что плохого может случиться со мной в моей Гранаде?» Однако кто знает? Как говорит смерть в образе нищенки в одной из его пьес, сколько ни ходи человек по свету, а есть то место на земле, та точка, тот назначенный день и минута, где для него и только для него наступает «предел дороги». Для Лорки этим пределом стало местечко Вискар близ Гранады, где 19 августа 1936 года оборвался его земной путь...

Когда Лорку арестовали, его друг, человек пожилой и уважаемый, тоже известный в Испании поэт Мануэль де Фалья пытался заступиться за него перед властями. Он молил их пощадить Лорку: «Разве можно относиться к поэтам серьезно? Тогда их пришлось бы расстреливать». На что получил ответ: «Пока идет борьба, мы будем относиться к ним серьезно».

Испания скорбела. Ибо после утра 19 августа 1936 года не осталось на ее земле человека, способного так точно поведать людям о том, как плачет закат о рассвете, как рыдает гитара, о чем шепчутся две ящерицы у речного камня, какой чудесной песней отзывается шуршание песка под босыми ногами любимой... Он пел о Родине, не сумевшей его уберечь, да и не мог он требовать от нее ничего, кроме скорби матери, потерявшей дитя, ничего, кроме вечного молчания гор, ничего, кроме пенья ветра, но чем внезапнее, чем трагичнее обрывается песня, тем отчетливее она врезается в память способных ее услышать.